Vestnik drevney istorii
80/4 (2020), 907–924
© The Author(s) 2020

Вестник древней истории
80/4 (2020), 907–924
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.31857/S032103910012247-4

ГРАФФИТИ И ДИПИНТИ ИЗ РАСКОПОК Е.И. ЛЕВИ И А.Н. КАРАСЕВА

1. *Общественно-владельческие граффити*

А. П. Бехтер[1], Ю. И. Ильина[2]

[1] *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*
[2] *Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия*

[1] *E-mail:* anabekhter@gmail.com [2] *E-mail:* iouliaiilyina@gmail.com

В статье публикуются одиннадцать граффити с Ольвийской агоры, маркирующих посуду, находившуюся в полисной собственности (фотографии шести из них были опубликованы Ю.Г. Виноградовым). На одном из сосудов слово πόλεως написано целиком, на других представлено аббревиатурами ΠΟ и ΠΟΛΕ. В подборку входит десять привозных чернолаковых сосудов аттического производства (местонахождение четырех из них в настоящее время неизвестно, описание дается на основании архивных фотографий) и красноглиняное рыбное блюдо, возможно местного производства. На основании археологического контекста, типологии керамики и палеографии граффити могут быть датированы первой половиной V в. до н.э.

Ключевые слова: греческая эпиграфика, ольвийская агора, общественно-владельческие граффити, полисная собственность, Е.И. Леви, А.Н. Карасев, Ю.Г. Виноградов

GRAFFITI AND DIPINTI FROM THE EXCAVATIONS OF E.I. LEVI AND A.N. KARASEV

1. *Public ownership graffiti*

Anastasia P. Bekhter[1], Yulia I. Il'ina[2]

[1] *Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*
[2] *The State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia*

[1] *E-mail:* anabekhter@gmail.com [2] *E-mail:* iouliaiilyina@gmail.com

Данные об авторах. Анастасия Петровна Бехтер – кандидат исторических наук, доцент СПбГУ; Юлия Ивановна Ильина – старший научный сотрудник Отдела античного мира Государственного Эрмитажа.

The article publishes eleven graffiti from the Olbian Agora, marking pottery owned by the polis (photographs of six of these objects were published by Yu.G. Vinogradov). On one of the vessels the word πόλεως is written in full, on others it is represented by the abbreviations ΠΟ and ΠΟΛΕ. The collection includes ten imported black-glazed vessels of Attic production (the location of four of them is currently unknown, their description is based on archival photos) and a red ware glazed fish dish, supposedly of local production. Based on the archaeological context, the typology of pottery and paleography, the graffiti can be dated to the first half of the fifth century BCE.

Keywords: Greek epigraphy, Olbia Pontica, Olbian Agora, public ownership graffiti, E.I. Levi, A.N. Karasev, Ju.G. Vunogradov

Археологические исследования теменоса и агоры Ольвии, в течение многих лет проводившиеся под руководством Е.И. Леви и А.Н. Карасева, дали богатый и разноплановый материал, существенно расширивший наши представления как о внешнем облике, так и о государственном устройстве древнего города[1]. Помимо строительных остатков монументальных сооружений было обнаружено также большое количество граффити и дипинти, однако большая их часть не только не опубликована надлежащим образом, но и просто неизвестна широкой научной общественности. Во многом это обусловлено несовершенством и недостаточной правовой проработанностью передачи найденных в процессе археологических изысканий объектов на хранение. Ольвийские материалы указанного периода в основной своей массе поступали в ЛОИА, где объективно нет условий для хранения предметов, представляющих музейную ценность. Очень немногие из них были переданы в Ольвийский заповедник, откуда потом часть из них попала в фонды ИА НАНУ. Эти последние представлены в своде ольвийских граффити, изданном А.С. Русяевой. При этом материалы, которые были отправлены в Ленинград (происходящие с Восточного теменоса и агоры), либо опубликованы А.С. Русяевой на основе статей и фотографий Е.И. Леви, либо просто упомянуты с общей характеристикой[2]. Часть предметов из раскопок Е.И. Леви и А.Н. Карасева за период с 1960 по 1974 г., происходящих в основном с агоры, была передана для изучения в Москву Ю.Г. Виноградову, после смерти которого А.Ю. Виноградов передал обнаруженные в архиве исследователя керамические фрагменты С.Р. Тохтасьеву. После трагической гибели последнего чудом уцелевшие при пожаре черепки были изъяты из его квартиры и в настоящий момент находятся в ИИМК РАН, ожидая передачи в Государственный Эрмитаж. К сожалению, ни одному из этих выдающихся исследователей не удалось полноценно опубликовать указанные материалы[3].

В коллекцию входят 98 объектов с граффити или дипинти, а также шестнадцать глиняных кружков диаметром от полутора до двух с половиной сантиметров. Три из них имеют сквозное отверстие по центру, остальные – цельные. Согласно предположению А.Н. Карасева, они представляли собой аналог псефов[4]; учитывая факт находки на этом же участке (Е3) «настоящих» бронзовых псефов, судя по вытисненной

[1] См. подробнее Levi 1964, 5–26; 1967, 162–167; 1985, 65–100; Karasev, Levi 1965, 80–93; 1975, 11–20; Karasev 1972, 35–44; Kryzhitskiy 1985, 120–121.

[2] Rusyaeva 2010.

[3] О попытках создания корпуса ольвийских граффити и связанных с реализацией этого проекта трудностях см. Rusyaeva 2014, 289–296.

[4] Karasev 1972, 37; Levi 1985, 94–95, рис. 92.

на них надписи ἱερά[5] использовавшихся при голосовании на особо важных процессах, связанных с религиозными преступлениями, можно предположить, что глиняные лепешки применялись при рассмотрении менее значимых бытовых тяжб.

В процессе работы с вышеуказанными материалами возник вопрос о судьбе прочих находок из раскопок Е.И. Леви и А.Н. Карасева, поскольку знакомство с архивами и печатными отчетами показывает, что предметов, подобных описанным выше, было гораздо больше. Так, общее количество глиняных аналогов псефов превышало пятьсот; то же относится и к объектам с граффити и дипинти. Согласно пометкам в описях, часть вещей была передана в Ольвийский заповедник. Однако эти предметы очень немногочисленны и носителей граффити и дипинти среди них нет. Таким образом, основной массив находок должен был осесть в ЛОИА. В настоящее время ведется активная работа по разбору материалов из античных экспедиций, которые находятся в античном секторе и камеральных помещениях ИИМК РАН, так что все находящиеся в Санкт-Петербурге находки из раскопок Ольвии будут, наконец, объединены и переданы на хранение в фонды Государственного Эрмитажа. В перспективе предполагается опубликовать свод граффити и дипинти из ольвийских материалов ИИМК РАН, который дополнил бы издание Русяевой. Однако, поскольку процесс идентификации, обработки и подготовки к изданию значительного количества предметов довольно длителен, представляется целесообразным все же начать издавать уже обработанные материалы из «наследия Ю.Г. Виноградова», не дожидаясь объединения их с остальными ольвийскими находками, хранящимися в ИИМК РАН.

В данной работе мы представляем найденные на территории участка ольвийской агоры Е8 фрагментированные сосуды с граффити ΠΟ, ΠΟΛΕ и ΠΟΛΕΩΣ. Близость археологического контекста этих предметов и идентичность нанесенных на них текстов позволяют, по крайней мере предварительно, объединить их в одну группу. Фотографии шести чернолаковых киликов с кратким общим комментарием были приведены Ю.Г. Виноградовым[6]. Помимо этих шести предметов среди переданных Виноградову ольвийских материалов обнаружилось также рыбное блюдо с граффито, найденное рядом с одним из упомянутых выше киликов. Кроме того, согласно полевым отчетам и фотоальбомам Ольвийской экспедиции за 1968–1970 гг., с этой же группой предметов можно связать еще четыре фрагментированных чернолаковых сосуда, местонахождение которых в настоящее время неизвестно (не исключено, что они будут обнаружены в процессе разбора материалов из Ольвии, находящихся в ИИМК). Все перечисленные предметы представлены в приведенном ниже мини-каталоге; сосуды, известные только по архивным фотографиям, даны под номерами, отмеченными астериском. Номера изображений соответствуют номерам каталога[7].

---

[5] Karasev 1972, 38–39, рис. 9, *3*; Levi 1985, 95, рис. 94. Местонахождение предметов в настоящее время неизвестно.

[6] Vinogradov 1989, 62–63, рис. 4., см. также *SEG* XLII, 719.

[7] Так как публикуемые предметы на музейное хранение не поступали и инвентарные номера им присвоены не были, в статье указаны полевые номера.

Рис. 1. Граффито на фрагменте нижней части чернолакового килика (пол. № О-68.4720). *Фото Ю.И. Ильиной*

1. Пол. № О-68.4720 (рис. 1). Участок Е8, кв. 565. Темно-золистый слой с углями, залегающий под эллинистической вымосткой на глубине 1,10 м. Фрагмент нижней части чернолакового килика (ствол ножки и стенки нижней части чаши). D ножки 8,5 см. Ствол ножки массивный. С внутренней стороны ствола ножки в центре точка и круг, исполненные черным лаком.

На внешней стороне донца процарапано граффито ΠΟ.

Высота букв: 1,5 см (*омикрон* 1,0 см). *Пи* с сильно укороченной правой гастой. *Омикрон* угловатой формы, с продленной за линию окружности черточкой внизу.

Текст: πό[λεως]

2. Пол. № О-68.4735 (рис. 2). Участок Е8, кв. 565. Темно-золистый слой с углями, залегающий под эллинистической вымосткой на глубине 1,10 м. Фрагмент рыбного блюда на профилированной ножке с солонкой в центре; склеен из трех фрагментов. Размеры: D ножки 9,4 см; D солонки 7,5 см; высота 3,0 см. Поверхность покрыта тусклым лаком красно-коричневого цвета. Глина светло-коричневая с мелкими вкраплениями слюды. Край солонки отделен от плоскости блюда высоким бортиком.

На внешней стороне донца процарапано граффито ΠΟ.

Высота букв: 1,0 см (*омикрон* 0,8 см). *Пи* с несколько укороченной правой гастой. *Омикрон* круглой формы.

Текст: πό[λεως]

1 2

Рис. 2. Краснолаковое рыбное блюдо (пол. № О-68.4735): *1* – общий вид; *2* – граффито на донце. *Фото Ю.И. Ильиной*

Рис. 3. Граффито на фрагменте нижней части чернолакового килика (пол. № О-68. 5521). *Фото Ю.И. Ильиной*

Рис. 4. Граффито на фрагменте нижней части чернолакового килика (пол. № О-69.2975). *Фото Ю.И. Ильиной*

3. Пол. № О-68. 5521 (рис. 3). Участок Е8, кв. 565. Темно-золистый слой с углями, залегающий под эллинистической вымосткой. Ножка чернолакового килика; склеена из трех фрагментов. D ножки 9,0 см. Ствол ножки не сохранился.

На внешней стороне ножки процарапано граффито ΠΟΛΕ.

Высота букв: 0,7–1,2 (*омикрон* 0,5). *Пи* с сильно укороченной правой гастой. *Омикрон* угловатой формы, с продленной за линию окружности черточкой внизу. Верхняя горизонталь *эпсилона* длиннее нижних.

Текст: πόλε[ως]

4. Пол. № О-69. 2975 (рис. 4). Участок Е8, кв. 544с, заполнение ямы 67а[8]. Ножка чернолакового килика. D ножки 9,0 см. Ствол ножки не сохранился.

На внешней стороне ножки процарапано граффито ΠΟΛΕ.

Высота букв: 1,0 (*омикрон* 0,8). *Пи* с сильно укороченной правой гастой. *Омикрон* угловатой формы, с продленными за линию окружности черточками внизу. Вертикаль *эпсилона* удлинена.

Текст: πόλε[ως]

5. Пол. № О-69. 2992 (рис. 5). Участок Е8, кв. 565. Засыпь балки. Фрагмент нижней части чернолакового килика (ствол ножки и стенки нижней части чаши); склеен из четырех кусков. D ножки 8,0 см. Ствол ножки массивный, у перехода к ножке проходит поясок белой краской. С внутренней стороны ствола ножки в центре точка и круг, исполненные черным лаком.

---

[8] Выборка ямы 67 была начата в 1968 г., на глубине 1,20 м от уровня материка яма была перекрыта, как показалось сперва, глинобитной пробкой, под которой должна была находиться яма более раннего времени; ей был присвоен № 67а. В 1969 г. при возобновлении работ по выборке ямы стало ясно, что предполагаемая глинистая трамбовка представляет собой не что иное, как материковый грунт, упавший со стенок ямы и перекрывший ее нижнюю часть. Материал из заполнения нижней части ямы абсолютно идентичен материалу из верхней части (Карасев, А.Н., Леви, Е.И. *Полевой отчет Ольвийской экспедиции за 1969 г.* РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1.1969. Д. 55. С. 56).

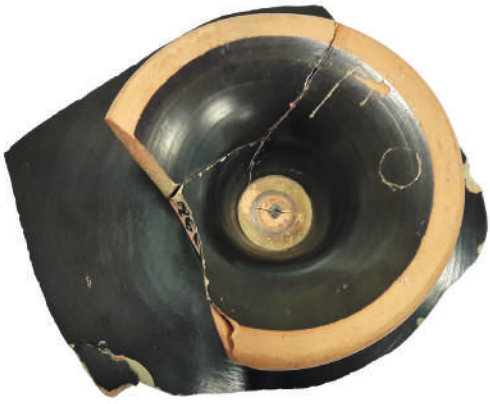


Рис. 5. Граффито на фрагменте нижней части чернолакового килика (пол. № О-69. 2992). *Фото Ю.И. Ильиной*

Рис. 6. Граффито на фрагменте нижней части чернолакового килика (пол. № О-69. 2993). *Фото Ю.И. Ильиной*

Рис. 7. Граффито на фрагменте нижней части чернолакового килика (пол. № О-70.2343). *Фото Ю.И. Ильиной*

На внешней стороне донца процарапано граффито ПО.

Высота букв: 1,5 см (*омикрон* 1,0 см). *Пи* с сильно укороченной правой гастой. *Омикрон* в форме правильного круга.

Текст: πό[λεως]

6. Пол. № О-69.2993 (рис. 6). Участок Е8, кв. 565. Засыпь балки. Фрагмент нижней части чернолакового килика (ствол ножки и стенки нижней части чаши); склеен из двух кусков. D ножки 8,8 см. Ствол ножки массивный, с выпуклым пояском и гравировкой. С внутренней стороны ствола ножки в центре точка и круг, исполненные черным лаком.

На внешней стороне донца процарапано граффито ΠΟΛΕ.

Высота букв: 0,7 см (*омикрон* 0,5 см). *Пи* с несколько укороченной правой гастой. *Омикрон* в форме правильного наклонного овала, с продленной за линию окружности черточкой вправо.

Текст: πόλε[ως]

7. Пол. № О-70.2343 (рис. 7). Участок Е8, п-кв 584в, зачистка вымостки из плит. Фрагмент ножки чернолакового килика; склеен из двух фрагментов. D ножки (восстановлен) 8,5 см.

На внешней стороне донца процарапано граффито ΠΟΛΕΩΣ. От *сигмы* уцелел только правый нижний уголок, но восстановление буквы сомнений не вызывает.

Высота букв: 0,7–1,0 см (*омикрон* 0,5 см). *Пи* с укороченной правой гастой. *Омикрон* угловатой формы. Наклонные *сигмы* раздвинуты.

Текст: πόλεως

8*. Пол. № О-68. 5376 (рис. 8). Участок Е8, кв. 544с, заполнение ямы № 67. Археологически целая чернолаковая чаша; склеена из 14 фрагментов.

На внешней стороне донца процарапано граффито ПО.

1 2

Рис. 8. Чернолаковая чаша (пол. № О-68.5376): *1* – общий вид; *2* – граффито на донце © *ФО НА ИИМК РАН*. Нег. I 69065, I 69063

Пи с укороченной правой гастой. *Омикрон* угловатой формы с продленной за линию окружности черточкой вправо.

Текст: πό[λεως]

9*. Пол. № О-68.5377 (рис. 9). Участок Е8, кв. 544с, заполнение ямы № 67. Археологически целая чернолаковая чаша; склеена из трех фрагментов.

На внешней стороне донца процарапано граффито ПО.

Пи с немного укороченной правой гастой. *Омикрон* угловатой формы.

Текст: πό[λεως]

10*. Пол. № О-69.2973 (рис. 10). Участок Е8, кв. 544с, заполнение ямы 67а. Археологически целый чернолаковый килик, склеенный из 22 фрагментов.

На внешней стороне донца процарапано граффито ПОΛЕ.

Пи с укороченной правой гастой. *Омикрон* угловатой формы, по размеру значительно меньше прочих букв.

Текст: πόλε[ως]

11*. Пол. № О-69. 2974 (рис. 11). Участок Е8, кв. 544с, заполнение ямы 67а. Археологически целый чернолаковый килик, склеенный из 7 фрагментов.

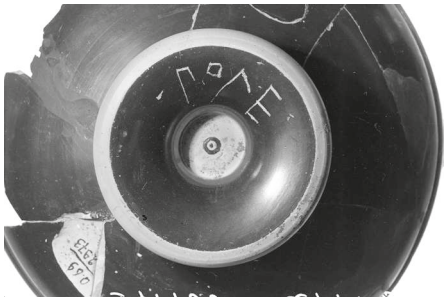
На внешней стороне донца процарапано граффито ПОΛЕ.

Текст: πόλε[ως]

Рис. 9. Граффито на донце чернолаковой чаши (пол. № О-68.5377) © *ФО НА ИИМК РАН*. Нег. I 690605

Обзор археологического контекста позволяет выделить несколько мест обнаружения публикуемых сосудов. № 1–3 были найдены в южной части кв. 565 в золистом слое, залегавшем под остатками здания гимнасия на глубине около 1,10 м от уровня

1



2

Рис. 10. Чернолаковый килик (пол. № О-69.2973): *1* – общий вид; *2* – граффито на донце чернолакового килика © *ФО НА ИИМК РАН*. Нег. I 71767, I 71768

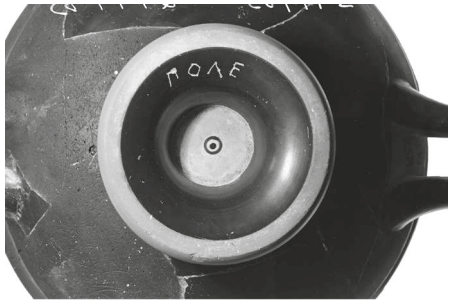


Рис. 11. Граффито на донце чернолакового килика (пол. № О-69.2974) © *ФО НА ИИМК РАН*. Нег. I 71769

эллинистической вымостки[9]. Материал охарактеризован как относящийся в основном к V в. до н.э. с незначительным числом фрагментов VI в. до н.э. Помимо этого в слое также в большом количестве присутствовали медные шлаки и остатки тиглей, сделанных из нижних частей амфор[10]. № 5–6 происходят также из южной части кв. 565, из засыпи котлована, связываемого с проведением значительных земляных работ при создании колодца V в. до н.э., потребовавших глубокой выемки материка[11]. Грунт засыпи охарактеризован как одинаковый с грунтом, лежащим под остатками здания гимнасия, по структуре и наполнению[12]. Объекты № 4 и № 8*–11* происходят из большой ямы в северной части кв. 544, заполнение которой описывается как золистое с большим количеством керамического материала конца VI–V в. до н.э. (особо отмечено большое количество пухлогорлых хиосских амфор и чернолаковой керамики) с присутствием бронзовых шлаков и окалины[13]. Таким образом, почти все сосуды происходят из одного слоя, характеризующегося наполненностью керамическими фрагментами, а также явными следами сброса из медеплавильной мастерской. Слой этот лежит непосредственно на материке, т.е. относится к древнейшему периоду функционирования ольвийской агоры.

Фрагмент № 7 обнаружен при зачистке сильно пострадавшей вымостки из

[9] «Ниже глубины 1,10 м от уровня вымостки I в. до н.э. слой становится более плотным и влажным, интенсивно насыщенным ракушками-мидиями и углями». (Карасев, А.Н., Леви, Е.И. *Полевой отчет Ольвийской экспедиции за 1968 г.* РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1.1968. Д. 21. С. 8).

[10] Карасев, А.Н., Леви, Е.И. *Полевой отчет Ольвийской экспедиции за 1968 г.* С. 8–9.

[11] Karasev, Levi 1975, 20.

[12] Карасев, А.Н., Леви, Е.И. *Полевой отчет Ольвийской экспедиции за 1969 г.* РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1.1969. Д. 55. С. 55–56.

[13] Карасев, А.Н., Леви, Е.И. *Полевой отчет Ольвийской экспедиции за 1969 г.* С. 57.

плит в восточной части кв. 584. Вымостку перекрывал сероглинистый слой, содержащий в основном материал IV–III вв. до н.э.[14] Место находки и археологический контекст заметно выделяются из общего ряда. Судя по всему, № 7 попал сюда случайно среди прочего мусора с агоры: этот фрагмент пострадал сильнее прочих и, кроме того, был покрыт солевыми отложениями, что указывает на его пребывание в грунте другого состава, чем прочие объекты, почти не имеющие на себе высолов.

Итак, публикуемые сосуды следует относить к наиболее раннему периоду существования агоры. Связать их с каким-либо определенным помещением не представляется возможным, так как в результате глобальной реконструкции в IV в. до н.э. строения более древнего периода были снесены или разобраны. Terminus ante quem должно, видимо, служить сооружение гимнасия, относимое к середине V в. до н.э.; этот гимнасий также был почти полностью уничтожен во время возведения нового здания в эллинистический период[15].

Ю.Г. Виноградов датировал все килики суммарно концом VI – началом V в. до н.э., что, безусловно, верно, однако эту схему можно уточнить, опираясь на детально разработанную на основе материалов из раскопок на афинской агоре типологию чернолаковых сосудов. Восемь представленных киликов можно отнести к типу «С», датирующемуся периодом 525–480 гг. до н.э. Они имеют широкую и неглубокую чашу, горизонтальные ручки, ножку на цилиндрическом стволе, существенно различаясь только типом венчика, который мог быть профилированным или гладким[16]. Однако, поскольку публикуемые сосуды представлены почти исключительно нижними частями, при попытке уточнить типологию приходится обращать внимание не на этот очевидный признак, а на незначительные изменения формы, происходившие в течение почти полувекового периода производства киликов типа «С». Ранние образцы отличаются тяжеловесностью. Ствол ножки у них короткий с выпуклым пояском, который выделен пурпуром и/или гравировкой. Среди публикуемых сосудов наиболее ранних вариантов, датирующихся 525 г. до н.э., как кажется, нет.

Килик № 11* представляет собой прекрасный образец периода 525–500 гг. до н.э.[17] К этому же подтипу следует отнести и ряд фрагментов, которые сохранились значительно хуже. Ножки № 3 и 4 по профилю аналогичны серии ранних образцов киликов типа «С» с профилированным краем[18]. Ножка килика № 1 отличается только обработкой края: он не округлый, как на киликах с афинской агоры, а прямой и слегка вогнутый. Это объяснимо многочисленностью ранних образцов с профилированным краем. Наиболее фрагментированный килик № 7, хотя и с известной долей осторожности, также можно датировать 525–500 гг. до н.э., так как по пропорциям он

---

[14] Карасев, А.Н., Леви, Е.И. *Полевой отчет Ольвийской экспедиции за 1969 г.* РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1.1970. Д. 63. С. 25.

[15] Levi 1985, 99.

[16] Sparkes, Talcott 1970, 88.

[17] Sparkes, Talcott 1970, 263, no. 400.

[18] Sparkes, Talcott 1970, pl. 19, no. 400, 402, 403; fig. 4, no. 401.

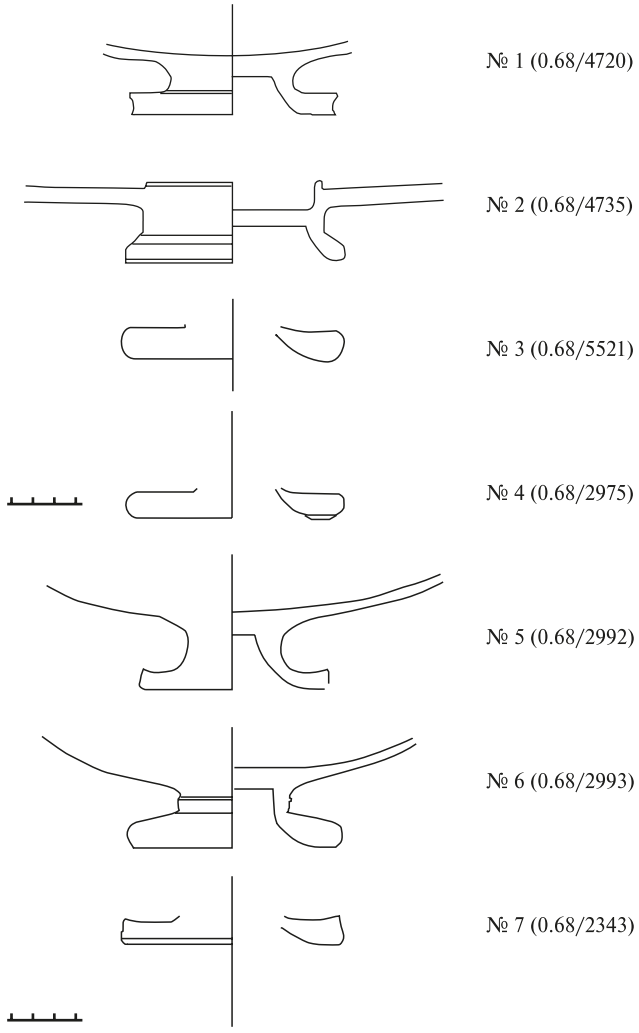


Рис. 12. Профили сосудов с рис. 1–7

соответствует многочисленным целым образцам[19]. Возможно, обработка края ножки более типична для киликов рубежа VI–V вв. до н.э.[20]

Килик № 10*, который сохранился почти целиком, находит аналогию среди более поздних вариантов и датируется 500-ми годами до н.э.[21] К этому же подтипу можно отнести образцы № 5 и 6. Фрагмент № 6 отличается более широким

[19] Sparkes, Talcott 1970, 263–264.

[20] Ближайшей аналогией является чернолаковый килик, хранящийся в фондах ГЭ, инв. № 0.1910.236; подробнее см. Skudnova 1988, 66.

[21] Sparkes, Talcott 1970, 263; pl. 19, no. 404.

стволом ножки, чем на известных целых экземплярах[22]. Фрагмент № 5 более изящен и строен, чем прочие образцы; стенки чаши более плавно отходят от ствола ножки, что типично для киликов с прямым краем. Наиболее близкой аналогией является килик с афинской агоры, который относится к серии с прямым краем[23].

Образцы № 8*, 9*, не имеющие ручек, принадлежат к другому типу сосудов – чашам. Чаши хорошо представлены среди аттической чернолаковой керамики, их классификация разработана детально. Чаша № 8* имеет низкий кольцевой поддон, стенки расширяются плавно, край прямой. В соответствии с классификацией чаш из материалов афинской агоры ее можно отнести к типу глубоких чаш с округлыми стенками[24]. Самыми близкими аналогиями по пропорциям, профилю и покрытию лаком являются две чаши, датирующиеся 500-ми годами до н.э.[25] Обе они происходят из колодцев. Комплекс находок из колодца E14:5 датируется 520–490 гг. до н.э., материал из колодца G 15:1 – около 500 г. до н.э.[26] При этом важно отметить, что в комплексе находок из колодца G 15:1 совместно были найдены килики типа «C» с профилированным краем и глубокая чаша.

Тип чаши № 9* определить сложнее, так как она известна только по одной фотографии, представляющей ее со стороны донца. Тем не менее по профилю ножки и округлым стенкам можно с достаточной степенью уверенности предположить, что это чаша того же типа, что № 8*.

Итак, публикуемые килики относятся к ранним вариантам типа «C», датируемым 525–500 гг. до н.э. и 500 г. до н.э. Следует отметить, что поздних вариантов киликов типа «C», которые датируются 500–480 гг. до н.э., среди них нет. Глубокие чаши, которые встречаются по сравнению с киликами значительно реже, относятся к самому раннему варианту сосудов этой формы и датируются 500 г. до н.э. Таким образом, весь комплекс чернолаковой керамики относится к периоду не позднее рубежа VI–V вв. до н.э.

Все рассмотренные сосуды представляют собой образцы весьма дорогой аттической керамики, которая не предназначалась для повседневного употребления. Можно предположить, что эти чернолаковые сосуды, как и очень редкие образцы ранней краснофигурной керамики, были привезены в Ольвию для культовых целей в составе специальной закупки[27].

Фрагмент № 2, принадлежащий рыбному блюду с красным покрытием, выпадает из общего ряда парадной чернолаковой посуды аттического производства. Рыбные блюда имеют специфическую, приблизительно одинаковую форму: это плоские, слегка наклонные, утолщающиеся к середине блюда с почти полусферическим углублением в центре и краями различной формы. Ножка массивная кольцевая, с варьирующимся профилем.

---

[22] См. аналогии Sparkes, Talcott 1970, 263, pl. 20, no. 404–406; археологический контекст: 397, Q 12:3.

[23] Sparkes, Talcott 1970, pl. 20, no. 417.

[24] Sparkes, Talcott 1970, 128.

[25] Sparkes, Talcott 1970, 294, no. 809, 810; pl. 32, no. 810; fig. 8, no. 810.

[26] Sparkes, Talcott 1970, 388, 391.

[27] Gorbunova 1964, 187.

Типология рыбных блюд неаттического производства разработана плохо. Большая часть рыбных блюд с красным покрытием представлена фрагментами, что затрудняет выяснение деталей формы и выделение типов.

Попытка систематического обзора этого типа керамики была предпринята А.В. Буйских, рассмотревшей более ста фрагментов красных рыбных блюд, происходящих из Ольвии. Все блюда по форме края разделяются на два типа (с прямым и с профилированным краем), внутри которых выделяются варианты; выделены образцы архаического периода, что особенно важно, так как большинство опубликованных блюд относится к эпохе поздней классики и эллинизма. Для блюд из ранних комплексов предложены единые характеристики: глина желто-розовых и красно-коричневых тонов с мелкими золотистыми включениями и редкими включениями большего размера (пириты темные и белые, известняк), покрытие плотное, красно-коричневого тона с легким блеском[28]. Все эти характеристики присущи фрагменту № 2, однако определение типа осложняется тем, что сохранилась только центральная часть блюда и судить о форме края нельзя.

Сходные по форме профиля ножки и солонки с выступающим бортиком блюда были найдены в Ольвии в значительном количестве, они относятся как к типу 1, так и к типу 2[29]. Однако многие из них были найдены в мешаных слоях, поэтому имеет смысл специально остановиться на тех из них, что происходят из хорошо датируемых по совместным находкам комплексов. Впервые краснолаковое блюдо было обнаружено в комплексе святилища конца VI – начала V в. до н.э. на территории предградья Ольвии[30]. При исследовании жилых кварталов около агоры в одной из ям, сооруженных в начале V в. до н.э., было найдено почти целое блюдо, дающее полное представление о его форме[31]. В результате продолжительных работ на участке Р-25 в комплексах позднеархаического времени, которые датируются со второй четверти VI в. до н.э. по вторую четверть V в. до н.э., найдено значительное число фрагментов рыбных блюд[32]. Рыбные блюда были обнаружены также при исследовании Западного теменоса, но их количество невелико и не позволяет представить обоснованную типологию[33].

Для уточнения датировки краснолаковых рыбных блюд имеет смысл также рассмотреть результаты раскопок на Березани, где их фрагменты были выделены лишь недавно. При исследовании жилой застройки на участке «О» регулярно встречаются фрагменты краев, как плоские, так и каннелированные, и части донъев. Фрагменты центральной части рыбного блюда с солонкой без выступающего бортика происходят из комплексов периода II-В2, который относят к концу VI – первой четверти V в. до н.э.[34] Блюда найдены в слое улицы, пролегавшей с севера на юг и разделявшей два общественных здания, которые можно

---

[28] Buiskikh 2011, 245.

[29] Ножки блюд, тип 1, первый вариант и второй вариант (Buiskikh 2011, рис. 2, *2*; 6, *1*) и ножки блюд, тип 2, с солонкой без бортика (ibid. 2011, рис. 13, *2–3*; 14, *4*).

[30] Kozub 1975, 153, рис. 14.

[31] Leypunskaya 1986, 35–36, рис. 3.

[32] Buiskikh 2011, 243, 247.

[33] Krapivina 2006, 183–184.

[34] Chistov *et al*. 2012, 6, 99, табл. 106, № 8.

интерпретировать как гестиатории[35]. Появление достаточно многочисленных фрагментов таких блюд именно в этом слое показательно, так как ранее они не встречались. По всей видимости, эти материалы можно связать с мусорными слоями середины V в. до н.э., перекрывшими руины построек первой четверти V в. до н.э. и имеющими на исследовавшейся в 2009 г. территории особенно значительную мощность[36]. Большой интерес представляет подвал наземной многокамерной постройки середины V в. до н.э., исследованный в 2013 г.[37] В его заполнении были найдены фрагменты пяти красноглиняных и одного сероглиняного блюда[38]. Четыре из красноглиняных блюд имеют профилированные ножки, один фрагмент отличается более тусклым лаковым покрытием коричнево-красного цвета, нанесенным поверх светлого ангоба, и непрофилированной ножкой; солонки как с бортиком, так и без бортика. Таким образом, в этом березанском комплексе одновременно присутствуют разнообразные варианты блюд, типичных для Ольвии.

Итак, красноглиняные блюда в Ольвии и на Березани происходят из комплексов конца VI–V вв. до н.э., и, соответственно, так должно датироваться и публикуемое блюдо, что вполне вписывается в общий археологический контекст публикуемых находок. Как уже было отмечено, края блюда № 2 не сохранились, однако можно предположить, что край был профилированным, так как именно такую форму имеет большинство известных образцов типа 1 из Ольвии. В Истрии образцы местного производства с солонкой с бортиком и каннелированным краем датируются третьей четвертью V в. до н.э.[39] Видимо, и наше блюдо следует датировать V в. до н.э., скорее первой его половиной.

Красноглиняные рыбные блюда были особенно популярны в V в. до н.э., и можно предположить, что их изготавливали в разных центрах. Блюда, найденные в Ольвии и на Березани, имеющие одинаковые характеристики глины и отделки, судя по всему, являются продукций одного центра, возможно, Ольвии[40].

Таким образом, публикуемое блюдо хронологически вполне вписывается в группу чернолаковой керамики, рассмотренной выше, особенно если учитывать характерное для периферии запаздывание парадной импортной посуды в сравнении с повседневной керамикой местного производства (что объяснимо временными затратами на закупку и транспортировку товара и более бережным обращением, существенно продлевавшим срок службы дорогостоящих сосудов); публикуемый комплекс предметов как раз отражает этот небольшой хронологический разрыв. Тем не менее нельзя не отметить, что среди высококачественной чернолаковой керамики грубовато выполненное, с небрежно нанесенным красным покрытием блюдо выглядит инородным элементом.

С точки зрения палеографии публикуемые надписи выглядят достаточно единообразно, хотя определенные различия все же присутствуют. Правая гаста *пи* во

---

[35] Chistov, Il'ina 2012, 20–21, 33, рис. 1.
[36] Отчет Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции, 43–44.
[37] Chistov, Il'ina 2015, 232.
[38] Chistov, Il'ina 2015, 241, рис. 9, 10–15.
[39] Alexandrescu 1978, 123, no. 807.
[40] Buiskikh 2011, 243–244, 247.

всех случаях укорочена, но ее длина заметно варьируется. *Омикрон*, всегда по размеру меньший, чем прочие буквы, двух типов: в большинстве случаев он угловатой формы, подчас с хорошо заметным местом пересечения линий, но в надписях № 2 и 5 имеет вид правильной окружности. Наиболее вариативны размер и форма *эпсилона*: так, в надписи № 7 он заметно больше прочих букв; в надписи № 3 верхняя горизонталь длиннее прочих, в № 10* удлинена средняя горизонталь; заметно различается и промежуток между горизонтальными гастами. Впрочем, многие особенности здесь могут быть обусловлены неудобством процарапывания текста на относительно небольшой наклонной поверхности. От *сигмы* в № 7 уцелел лишь нижний уголок, но ясно, что наклонные были раздвинуты под довольно большим углом. В целом нельзя не заметить, что архаичные формы букв, характерные для VI в. до н.э., в представленных надписях отсутствуют. Какие-то отголоски древней манеры письма можно заметить разве что в *лямбде* с укороченной правой наклонной в № 10* (во всех остальных случаях наклонные равной длины) и *эпсилоне* с удлиненной вертикалью и слегка наклонными горизонтальными гастами в № 4 (во всех прочих надписях боковые гасты совершенно прямые). Таким образом, нам представляется, что надписи следует датировать не концом VI в. до н.э., как предлагал Ю.Г. Виноградов[41], а первой половиной V в. до н.э., что вполне согласуется с археологическим контекстом и типологией сосудов.

Граффити, особенно представляющие собой аббревиатуры, нередко позволяют предложить сразу несколько равновероятных вариантов интерпретации. В случае одиночной находки килика с надписью ΠΟ или ΠΟΛΕ, она скорее всего понималась бы как частновладельческая метка, тем более что имен, начинающихся на По- и Полε-, известно достаточно[42]. Однако в нашем случае целый ряд дополнительных факторов заставляет принять трактовку надписей, предложенную Ю.Г. Виноградовым. Прежде всего это, конечно, то обстоятельство, что на фрагменте № 7 слово πόλεως сохранилось практически полностью и не дает возможности для каких-либо иных дополнений. Кроме того, повторяющийся текст на однотипных хронологически близких сосудах, имеющих в большинстве своем идентичный археологический контекст, как кажется, исключает возможность понимания надписей как частновладельческих. По этим же соображениям стоит отказаться и от попытки рассматривать публикуемые граффити как торговые метки[43]. Но хотя понимать πόλεως и вслед за ним остальные надписи, данные в аббревиатуре, иначе, чем «(*сосуд*) полиса», т.е. «принадлежащий полису», не представляется возможным, прямые аналогии пока неизвестны.

Граффити ΠΟ встречаются на самых разных сосудах во всем античном мире, однако достаточных оснований для того, чтобы видеть в них что-либо иное, чем частновладельческие или торговые метки, нет[44]. То же можно сказать и о гораздо более

---

[41] Vinogradov 1989, 62.

[42] Для Северного Причерноморья в целом и Ольвии в частности см. *LGPN* IV, 281–283.

[43] Тем более что ценовые обозначения обычно выглядят как *пи* с вписанным в нее кружком.

[44] Для Северного Причерноморья см., к примеру: *1)* Ольвия: два фрагмента чернолаковых сосуда с граффито ΠΟ, понимаемым как владельческая или торговая метка (Yailenko 1980, 105, № 188–189); *2)* Херсонес: четыре фрагмента чернолаковых сосудов IV–III в. до н.э. с граффито ΠΟ, трактуемые как начало личного имени или имени

редких граффити ПОЛ. Так, при раскопках Березанского поселения была найдена чернолаковая ольпа 1-й пол. V в. до н.э. с граффито ПОЛ на донце (пол. № БЭ 2008. 27/210). Граффито не опубликовано, упоминание с указанием полевого номера приводится А.С. Намойлик[45], однако археологический контекст – заполнение подвального помещения жилого дома МК-3 (дом Пифея сына Перикла) – не дает оснований интерпретировать надпись иначе, чем начало личного имени[46].

Ю.Г. Виноградов привлек в качестве аналогии многочисленные граффити с афинской агоры, имеющие вид ΔΕ в лигатуре и трактуемые как аббревиатура δε̄(μόσιον) или δε̄(μοσία κύλιξ)[47]. Основаниями для понимания надписей как указания на общественную собственность, как и в нашем случае, являются массовость находок и археологический контекст: объекты происходят из района Толоса и из колодца под Стоей Зевса, суммарно их можно датировать V в. до н.э. М. Лэнг также считает значимым написание букв в лигатуре: не менее десятка происходящих из различных частей афинской агоры сосудов V–IV вв. до н.э. с надписью ΔΕ, где буквы стоят отдельно друг от друга, исследовательница склонна считать скорее частновладельческими метками[48]. Основной массив афинских находок составляет чернолаковая посуда, причем преобладающей формой является килик, но присутствуют также два фрагмента амфор, причем на одном из них текст нанесен по сырой глине (Fb 3).

За пределами афинской агоры примеры подобной маркировки общественной посуды неизвестны; попытки понимать отдельные граффити ΔΕ и ΔΗ как общественно-владельческие, безусловно, интересны, но недостаточно убедительны[49].

божества (Посейдон?) Solomonik 1978, 104–105, № 1393–1396; *3)* хора Боспора: два фрагмента чернолаковых сосудов с граффито ПО, интерпретируемым как начало личного имени или сокращение πο(τήριον) – чаша (Saprykin, Maslennikov 2007, 94–95, № 431. 54. 1995; 117, № 612.3. 1990). Мы сознательно ограничиваемся обращением к крупным эпиграфическим сводам, хотя подобные надписи скорее всего можно найти и в многочисленных публикациях меньшего объема, для того чтобы подчеркнуть отсутствие во всех случаях такого значимого для определения надписи как общественно-владельческой фактора, как массовость однотипных граффити в пределах одного археологического контекста.

[45] Namoylik 2010, 435–436. Исследовательница достаточно осторожно упомянула указанное граффито, не делая каких-либо выводов, однако приведя ссылку на публикацию Ю.Г. Виноградова. Последнее, видимо, привело к тому, что в SEG о сосуде уверенно сказано «The jug was used for public meals» (*SEG* LX, 800), хотя, как будет показано далее, для этого нет достаточных оснований.

[46] Информация любезно предоставлена руководителем Березанской экспедиции ГЭ Д.Е. Чистовым. Следует, правда, заметить, что в позднеархаическое время неподалеку возникают два общественных здания, так называемые гестиатории (МК-1 и МК-2), однако жилой дом МК-3 все же находился в другом квартале, через улицу от МК-1.

[47] Lang 1976, 51–52, Fa-b. В подборке представлены 25 граффити ΔΕ в лигатуре (Fa 1–25) и 3 ΔΗ в лигатуре (Fb 1–3); последние могут быть интерпретированы как δη(μόσιον) с изменением орфографии после введения ионийского алфавита. См. также Guarducci 1967, 402, fig. 217.

[48] Lang 1976, 51.

[49] Граффито ΔΕ на скифосе местного производства трактуется как δε̄(μοσία κύλιξ) по аналогии с афинскими граффити или даже δέ(μιος οἶκος), т.е. как маркировка инвентаря государственного пансиона для бедных (Питекуссы, 1-я пол. VI в. до н.э.;

Для Северо-Причерноморского региона нельзя не отметить четыре граффити в виде монограммы ΔΕ, нанесенные на донца чернолаковых сосудов VI – первой пол. V в. до н.э. (три килика и рыбное блюдо)[50]. Предметы не образуют единого комплекса: два килика найдены на участке М, один – на раскопе ВС, а блюдо на раскопе С в «здании с апсидой». На одном из киликов граффито помещено с краю, а центральную часть поддона занимает комбинация из пересекающихся линий. Два последних фактора в сочетании с тем, что в нимфейских надписях ожидалось бы написание δη(μόσιον) в ионийской огласовке и что мы почти ничего не знаем о политическом устройстве раннего Нимфея, заставляют трактовать приведенные надписи скорее как метки владельцев.

В заключение можно сказать, что наши надписи представляют собой крайне редкий тип маркировки государственной собственности, не имеющий аналогов по форме («(*сосуд*) полиса»). По совокупности всех данных можно с уверенностью утверждать, что в первой половине V в. до н.э. на территории ольвийской агоры, видимо на месте позднейшего гимнасия, функционировало здание типа пританея, где устраивались общественные пиры.

Литература / References

Alexandrescu, P. 1978: *La ceramique d'epoque archaique et classique*. (Histria, T. IV). Bucharest.

Buiskikh, A.V. 2011: [Red glazed fish dishes from Olbia]. *Bosporskie issledovaniya* [*Bosporos Studies*] XXV, 242–264.
Буйских, А.В. Краснолощеные рыбные блюда из Ольвии. *Боспорские исследования* XXV, 242–264.

Chistov, D.E., Il'ina, Yu.I. 2012: [The complex of the public buildings of the late archaic period from the excavations of the North-Eastern part of the Berezan settlement]. *Scripta antiqua* 2, 19–48.
Чистов, Д.Е., Ильина, Ю.И. Комплекс построек общественного назначения периода поздней архаики из раскопок в северо-восточной части Березанского поселения. *Scripta antiqua* 2, 19–48.

Chistov, D.E., Il'ina, Yu.I. 2015: [New evidence on the Berezan settlement in the classical period]. *Arheologija i davnja istorija Ukrainy* [*Archeology and Early History of Ukraine*] I (14), 230–250.
Чистов Д.Е., Ильина Ю.И. Новые данные о Березанском поселении классического периода. *Археологія и давня історія Украіни* I (14), 230–250.

SEG XLVII, 148819). В сходном ключе предлагается интерпретировать граффито из Питекусс λειτ[- -] на сосуде, предположительно, местного производства: λέϊτος = λήιτος или λειτουργεῖν (Питекуссы, 725–700 г. до н.э.; *SEG* XLVII, 148845). Для граффито ΔΗ на небольшом чернолаковом сосуде IV в. до н.э., найденном на территории Палестины, Г. Плекет осторожно предлагает возможность чтения δη(μόσιον), хотя первоиздатель не рассматривал иного варианта понимания надписи, кроме начала личного имени (*SEG* XXXII, 1494). Единичность находок и отсутствие археологического контекста, указывающего на происхождение материалов из общественного здания, не позволяют принять предложенное чтение в качестве основной гипотезы.

[50] Граффити на киликах были опубликованы О.В. Горской, ошибочно трактовавшей их как посвящения Деметре (Gorskaya 2002, 115, рис. 5–7 (прорисовки). Все четыре надписи с подробным комментарием и археологическим контекстом представлены А.С. Намойлик, понимающей их как аббревиатуру личных имен (Namoylik 2018, 22–23, A 85–88, II, 8 (прорисовки), III, 1 (фото)).

Chistov, D.E., Zuev, V. Yu., Il'ina, Yu.I., Kasparov, A.K., Novoselova, N. Yu. 2012: *Materialy Berezanskoy (Nizhnebugskoy) antichnoy arkheologicheskoy ekspeditsii.* T. II. *Issledovaniya na ostrove Berezan' v 2005–2009 gg.* [*Materials of the Berezan (Lower Bug) Archeological Expedition.* Vol. II. *Investigations of the Berezan Island in 2005–2009*]. Saint Petersburg.
Чистов, Д.Е., Зуев, В.Ю., Ильина, Ю.И., Каспаров, А.К., Новоселова, Н.Ю. *Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции*. Т. 2. *Исследования на острове Березань в 2005–2009 гг*. СПб.

Gorbunova, K.S. 1964: [Red-figured kylikes from the Olbian temenos excavations]. In: V.F. Gaydukevich (ed.), *Ol'viya. Temenos i Agora* [*Olbia. Temenos and Agora*]. Moscow–Leningrad, 175–187.
Горбунова, К.С. Краснофигурные килики из раскопок ольвийского теменоса. В сб.: В.Ф. Гайдукевич (ред.), *Ольвия. Теменос и агора*. М.– Л., 175–187.

Gorskaya, O.V. 2002: [Nymphaeum cults according the graffiti materials]. In: M. Yu. Vachtina *et al.* (eds.), *Bosporskiy fenomen: pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishcha.* T. I [*The Phenomenon of Bosporan Kingdom: Burial Objects and Sanctuaries.* Vol. I]. Saint Petersburg, 114–121.
Горская, О.В. Культы Нимфея по материалам граффити. В сб.: М.Ю. Вахтина и др. (ред.), *Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища*. Т. I. СПб., 114–121.

Guarducci, M. 1967: *Epigrafia Graeca*. Vol. I. Roma.

Karasev, A.N. 1972: [The excavations of the Olbian agora in 1967–1969]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*] 130, 35–44.
Карасев, А.Н. Раскопки Ольвийской агоры в 1967–1969 г. *КСИА* 130, 35–44.

Karasev, A.N., Levi, E.I. 1965: [The works of the Olbian expedition LOIA in 1960–1962]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*] 103, 80–93.
Карасев, А.Н., Леви, Е.И. Работы Ольвийской экспедиции ЛОИА в 1960–1962 г. *КСИА* 103, 80–93.

Karasev, A.N., Levi, E.I. 1975: [The excavations of the Olbian Agora in 1970]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*] 143, 11–20.
Карасев, А.Н., Леви, Е.И. Раскопки Ольвийской агоры в 1970 г. *КСИА*, 143, 11–20.

Kozub, Yu.I. 1975: [The oldest sanctuary of Olbia]. In: *Ol'viya* [*Olbia*]. Kiev, 139–163.
Козуб, Ю.И. Древнейшее святилище Ольвии. В сб.: *Ольвия*. Киев, 139–163.

Krapivina, V.V. 2006: [Simple tableware]. In: A.S. Rusyaeva *et al* (eds.), *Drevneyshiy temenos Ol'vii Pontiyskoy* [*The Oldest Temenos of Olbia Pontica*]. Simferopol, 181–186.
Крапивина, В.В. Простая столовая посуда. В сб.: А.С. Русяева и др. (ред.), *Древнейший теменос Ольвии Понтийской*. Симферополь, 181–186.

Kryzhitskiy, S.D. 1985: *Ol'viya. Istoriograficheskoe issledovanie* [*Olbia. Historiographic Study*]. Kiev.
Крыжицкий, С.Д. *Ольвия. Историографическое исследование*. Киев.

Lang, M. 1976: *Graffiti and Dipinti*. (Athenian Agora, XXI). Princeton.

Levi, E.I. 1964: [The results of the excavations of the Olbian temenos and agora (1951–1960)]. In: V.F. Gaydukevich (ed.), *Olviya. Temenos i agora* [*Olbia. Temenos and Agora*]. Moscow–Leningrad, 5–26.
Леви, Е.И. Итоги раскопок ольвийского теменоса и агоры (1951–1960 гг.). В сб.: В.Ф. Гайдукевич (ред.), *Ольвия. Теменос и агора*. М.– Л., 5–26.

Levi, E.I. 1967: [The excavations of the Olbian agora and temenos]. In: T.V. Blavatskaya, M.L. Gasparov (eds.), *Antichnoe obshchestvo* [*Ancient Society*]. Moscow, 162–167.
Леви, Е.И. Раскопки Ольвийской агоры и теменоса. В сб.: Т.В. Блаватская, М.Л. Гаспаров (ред.), *Античное общество*. М., 162–167.

Levi, E.I. 1985: *Ol'viya. Gorod epokhi ellinizma* [*Olbia. The City of the Hellenistic Period*]. Leningrad.
Леви, Е.И. *Ольвия. Город эпохи эллинизма*. Л.

Leypunskaya, N.A. 1986: [Residential area of Olbia southwest of the Agora (1972–1977)]. In: A.S. Rusyaeva *et al.* (eds.), *Ol'viya i ee okruga* [*Olbia and Its Vicinity*]. Kiev, 29–47.
Лейпунская, Н.А. Жилой район Ольвии к юго-западу от агоры (1972–1977 гг.). В сб.: А.С. Русяева и др. (ред.), *Ольвия и ее округа*. Киев, 29–47.

Namoylik, A.S. 2010: [Graffiti on the amphoras from the Nympheum excavations in the collection of the State Hermitage]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 14, 397–450.
Намойлик, А.С. Граффити на амфорах из раскопок Нимфея в коллекции Государственного Эрмитажа. *Древности Боспора* 14, 397–450.

Namoylik, A.S. 2018: *Graffiti na keramicheskich izdeliyach iz Nimfeya kak istochnik po istorii bosporskogo goroda (po materialam iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha)* [*Graffiti on Ceramic Objects from Nymphaeum as a Source on the History of the Bosporan City (Based on Materials from the Collection of the State Hermitage)*. PhD Thesis]. Saint Petersburg.
Намойлик, А.С. *Граффити на керамических изделиях из Нимфея как источник по истории боспорского города (по материалам из собрания Государственного Эрмитажа)*. Дисс. ... к.и.н. СПб.

Rusyaeva, A.S. 2010: *Graffiti Ol'vii Pontiyskoy* [*Graffiti of Olbia Pontica*]. Simferopol.
Русяева, А.С. *Граффити Ольвии Понтийской*. Симферополь.

Rusyaeva, A.S. 2014: [To the «Corpus of graffiti of the city Olbia»]. *Aristey: vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii* [*Aristeas: philologia classica et historia antiqua*] IX, 289–296.
Русяева, А.С. О корпусе граффити Ольвийского полиса. *Аристей: вестник классической филологии и античной истории* IX, 289–296.

Saprykin, S. Yu., Maslennikov, A.A. 2007: *Graffiti i dipinti khory antichnogo Bospora* [*Graffiti and Dipinti from the Chora of the Ancient Bosporus*]. Simferopol–Kerch.
Сапрыкин, С.Ю., Масленников, А.А. *Граффити и дипинти хоры античного Боспора*. Симферополь–Керчь.

Skudnova, V.M. 1988: *Arkhaicheskiy nekropol' Ol'vii* [*Archaic Necropolis of Olbia*]. Leningrad.
Скуднова, В.М. *Архаический некрополь Ольвии*. Л.

Solomonik, E.I. 1978: *Graffiti antichnogo Khersonesa (na chernolakovykh sosudach)* [*Graffiti of the Ancient Chersonesos (On Black-Glazes Vessels)*]. Kiev.
Соломоник, Э.И. *Граффити античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах)*. Киев.

Sparkes, B.A., Talcott, L. 1970: *Black and Plain Pottery of the 6th, 5thand 4th Centures B.C.* (The Athenian Agora, XII). Princeton–New Jersey.

Vinogradov, Ju.G. 1989: *Politicheskaya istoriya Ol'viyskogo polisa VII–I vv. do n.e.* [*Political History of the Olbia Polis in the 7th–1st Cent. BC*]. Moscow.
Виноградов, Ю.Г. *Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э.* М.

Yailenko, V.P. 1980: [Graffiti from Leuka, Berezan and Olbia]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 75–116.
Яйленко, В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии (окончание). *ВДИ* 3, 75–116.